

На пути к схоластике

Из жизни первых университетов

Университеты. Весьма привычно слышать, что эти феномены-символы Европейской науки возникли в результате освобождения средневековой системы образования от диктатуры церковного контроля. Раньше, мол, школы были только при монастырях, где учили на память Часослов и Псалтирь, переписывали книги — вот и вся наука. А потом появились светские университеты — в них уже и учились как следует, и науку двигали без оглядки на всякие там авторитеты — словом, свобода!

Мозаика Европы

Мало кто задумывается, что университеты были совершенно естественным и закономерным явлением жизни европейского Средневековья. Никто не устраивал их по заграничному образцу, как это было в России. Вырастая из тысяч предпосылок и исторических случайностей, они оказались живо связаны с тем обществом, в котором возникли. Христианство же было неким конституирующим принципом, который объединял народы европейского континента. Церковь да еще некоторые вос-

поминания о римском государстве — вот, пожалуй, и все, что было общего у тех, кто жил на территории к западу от татарского ханства и к северу от арабского халифата.

В то далекое время связь Церкви и образования была столь очевидной, что первые университеты, почти целиком составленные из клириков, современники воспринимали не иначе как церковные организации. Магистры и студенты носили тонзуру как внешнее свидетельство принадлежности клиру и были подсудны лишь епископскому суду — немаловажная привилегия, которая наряду с экономической поддержкой сделала жизнеспособными новые и еще хрупкие образовательные структуры.

Безвизовый режим

Действительно, представим себе положение студента-школяра (*scolaris*) середины XIII века. Для обучения и даже просто для проживания в чужом городе, а часто и в чужой стране, требовались не только немалые деньги, но и минимальная правовая защищенность. На стороне горожан были и

законы, и профессиональная взаимоподдержка — гильдии. Очень небольшая часть городского населения не умещалась в рамки профессиональных союзов: кроме студентов, своей гильдии не имели, пожалуй, только странствующие лудильщики.

Положение же иностранцев было и вовсе неопределенным. С одной стороны, в средневековой Европе не было виз и человек имел полную свободу передвижения, но, с другой, никто не гарантировал ни личную, ни материальную безопасность на чужбине. Из-за разбойников, постоянных феодальных войн и неустроенности дорог путешествие в другую страну воспринималось как неприятное и опасное приключение.

Церковное «подданство» университетов открывало совершенно иные перспективы. Католическая Церковь была единственным подлинно интернациональным европейским институтом того времени. В любом городе Италии, Франции, Германии

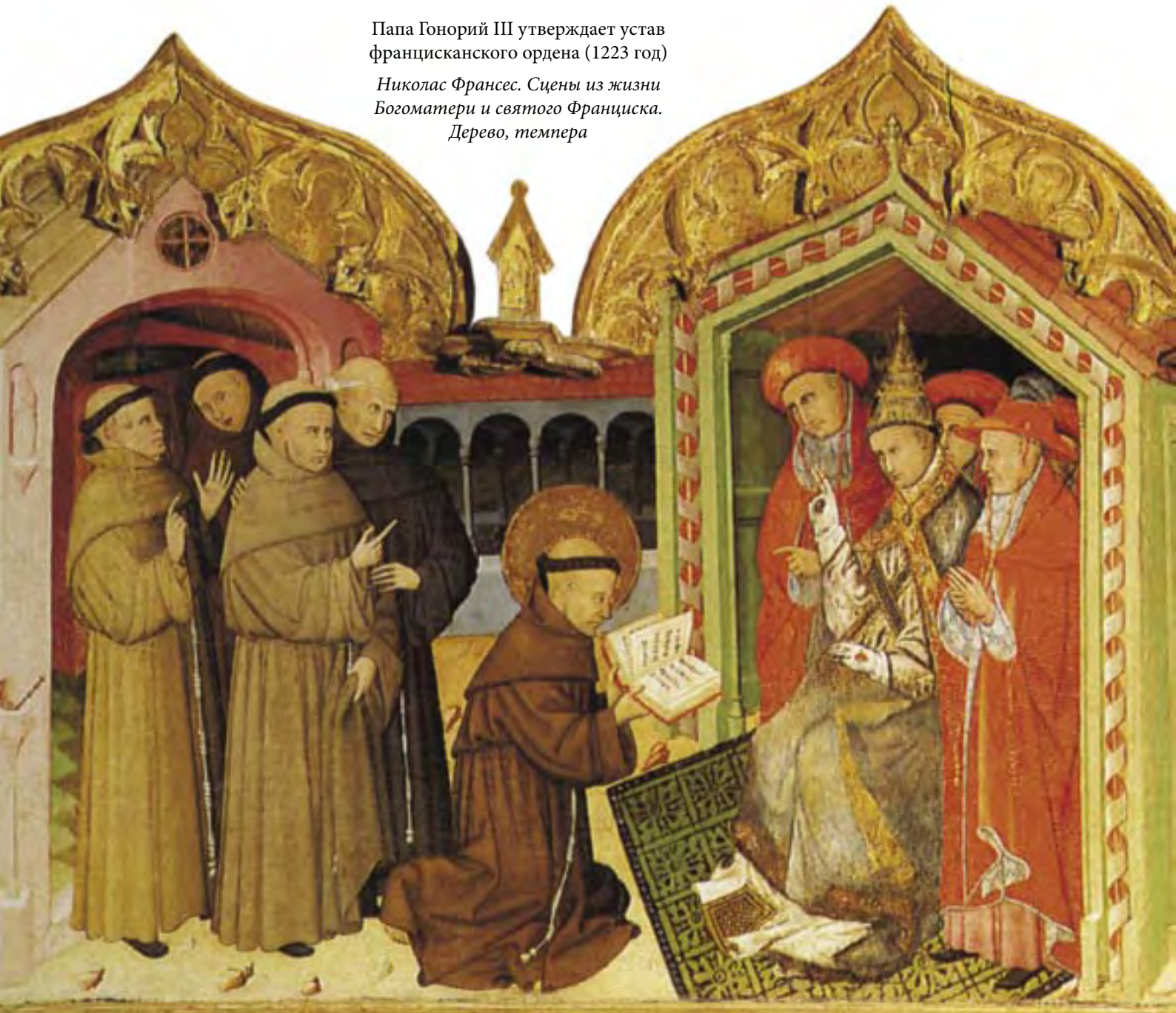
или Англии клирики оставались под покровительством Церкви и пользовались теми же привилегиями, что и у себя на родине. Характерный пример мы находим в летописи Парижского университета: одно из первых дошедших до нас событий его истории произошло в 1192 году. Студенты затеяли ссору с крестьянами аббатства Сен-Жермен-де-Пре, и в завязавшей потасовке один студент был убит. Убийство клирика мирянами не могло остаться безнаказанным. Студенты жалуются в Рим. Сильно скомпрометированному аббату Сен-Жермен-де-Пре пришлось доказывать свою непричастность к этому происшествию перед епископом Реймским и собравшимся университетом.

Ремесленники и философы

История первых университетов — это во многом история интеллектуальной элиты Западной церкви

Папа Гонорий III утверждает устав францисканского ордена (1223 год)

Николас Франсес. Сцены из жизни Богородицы и святого Франциска. Дерево, темпера

высокого средневековья. Уже в конце XII — начале XIII веков значительную часть епископата и привилегированного духовенства составляли выпускники больших школ (*studium generale*), постепенно оформлявшихся в университеты. Многие папы того времени не понаслышке знают о студенческой жизни — кто учился, а кто и преподавал в университетах. Впрочем, спрос на дипломированных ученых одновременно увеличивается как при дворе, где особенно нуждаются в юристах, так и в городах, где новые условия жизни делают востребованными ученых медиков.

Поэтому неудивительно, что возникающие ученые сообщества несут на себе отпечаток исторических перипетий того времени. Взаимоотношения папства в апогее его могущества с крепнущей национальной светской властью; споры традиционной церковной иерархии, еще не полностью перестроившейся под новые католические реалии, и «нищенствующих» орденов; сосуществование практичных ремесленников и монахов-философов в узких переулках каменных бургов — все это, многократно отражаясь, до сих пор окрашивает фон современной культуры.

Можно еще много говорить о принципах и предпосылках возникновения высших школ, но никакая схема не донесет так ясно и отчетливо смысл событий, как их исторический контекст, проявляющийся в деталях и поступках. — Предвзятые построения и надуманные гипотезы отпадают сами собой. Итак, вместо дальнейшего теоретизирования, ознакомимся чуть поближе с действующими лицами разворачивающейся драмы.

Пионеры

XII–XIII век. После долгой череды варварских нашествий в Европе устанавливается относительное затишье. Прекращаются набеги викингов, венгры переходят на оседлый образ жизни, мусульмане, иудеи и христиане уживаются довольно мирно, христианство все больше распространяется среди славянских и скандинавских племен.

Политическая стабильность вкупе с заметным повышением эффективности сельского хозяйства приводит к росту численности населения, развиваются города, способные теперь кроме постоянных жителей вместить еще и динамическую студенческую популяцию.

Первые университетские города: Болонья, Париж и Оксфорд — очень своеобразны и непохожи друг на друга. Болонья, находясь на стыке папских и императорских полномочий, стала центром юриспруденции. Парижский университет получил самую полную структуру среди своих сверстников. Первая ступень — факультет свободных искусств, далее — специализированные факультеты: теологический (наиболее значитель-

ный), медицинский и юридический. Оксфорд замечателен своим изолированным островным положением — студентов-иностранцев в нем было мало. Кроме того, маленький город не был ни резиденцией королей, ни местом епископской кафедры, и университет довольно быстро приобрел доминирующее значение, превратив Оксфорд в город-университет.

Король и его вассалы

Даже самое приблизительное описание социального ландшафта средневековья едва ли возможно без упоминания о феодальных отношениях. В постоянных внутренних и внешних войнах формируется особый тип общества: каждый его член — чей-то господин и чей-то вассал. Король — вассал Господа Бога, бароны, графы и епископы — вассалы короля, и так — вплоть до последнего крестьянина. Господин обеспечивает военную безопасность своих подопечных, которые платят работой, воинской службой или же деньгами. Система замечательно работает в военное время, когда за безопасность люди готовы отдать многое, но в мирное начинает давать сбой: с чего вдруг платить подать барону, который всю жизнь проводит в междоусобных войнах, турнирах, охотах, а часто и грабежах?

Папа и его епископы

Папское могущество достигает высшей точки. После взятия крестоносцами Константинополя кажется, что власть римского первосвященника скоро охватит весь христианский мир — лишь отдельные княжества на окраинах ойкумены оказывают (не всегда последовательное) сопротивление. Папская централизация Католической Церкви все более искажает традиционный смысл епископства: папы, через легатов или напрямую, вмешиваются в большие и малые события церковной жизни по всей Европе, далеко не всегда считаясь с местными епископами. В Риме принимают решения о статусе высших школ, количестве штатных преподавателей в них и содержании лекций. В 1229 году Гонорий III под угрозой отлучения запретил проводить и посещать занятия по гражданскому праву в Парижском университете.

Впрочем, возвышению папства немало способствовало и плачевное состояние епископата, и особенно приходских священников к началу XIII века. Наиболее яркая черта облика духовенства того времени — это светско-церковный характер его власти. Священник был в своей церкви, почти столь же независим, как и знатный владетель соседнего замка. Епископ же — не только первосвященник, но и крупный феодал, преодоление вассальной зависимости от которого было одной

из первых задач возникающих университетов. И несмотря на то, что со временем появляется все больше начитанных и просвещенных архиереев, рыцарские обычаи все еще дают о себе знать.

Робер I, епископ Клермонский, и Ги II, граф Овернский, два брата, открыто боролись в течение восемнадцати лет, с 1197 по 1215 год — борьба, во время которой граф находился под анафемой, а епископ — в темнице. Нельзя не признать, что если граф Овернский и был разбойником, то и в епископе Клермонском не было ровным счетом ничего от миротворца, мягкого и по-христиански терпимого. Окопавшись в своих мощных замках Лезу и Мозен, он тоже жил как главарь шайки. В 1198 году граф пишет папе Иннокентию III, моля его о заступничестве. Это покровительство он покупает наперед, отдавая римской Церкви замок Уссон, только что им возведенный:

«Молю Вас защитить меня от моего брата Робера, епископа Клермонского. С бандами наемников и баронов он с полным презрением всяческого права опустошает мою землю, принося на нее пожары, убийства и разбой. Припадаю к стопам Вашего Святейшества и умоляю Вас велеть прекратить эти насилия и аннулировать приговор об отлучении, который он, кроме всего прочего, наложил на мою землю».

Школяры

Обучение в больших школах может начинаться в 15 лет. Обычно первой заботой юноши, приехавшего в университетский город, было найти себе ученого наставника. Ответственность профессора за своих учеников не ограничивалась программой обучения, она охватывала все стороны жизни. Студентам, не приписанным ни к каким преподавателям, проживание в городе вообще запрещалось. Предосторожность вовсе не лишняя, учитывая не слишком благочестивые нравы бродячего студенчества.

Отзывы современников рисуют нам школяра, бегущего ночью по улицам Парижа, вышибающего двери горожан и наполняющего залы суда шумом скандалов. Сохранилась реплика французского короля Филиппа Августа: «Студенты похрабрее рыцарей, вооруженные рыцари колеблются начинать борьбу, клирики же, у коих нет ни кольчуги, ни шлема, а лишь тонзура на голове, бросаются друг на друга, играя ножом — великое безрассудство с их стороны и великая опасность!»

За формальным внесением новичка в списки учащихся следовала церемония «посвящения в студенты». Ритуальная сторона обычно сводилась к пирушке за счет поступившего, на которой ему приходилось еще и терпеть от своих товарищей

розыгрыши и шутки самого неприятного характера. Интересно, что этот обычай имеет солидную историю. Так, в предисловии к юстиниановским Дигестам студентам-юристам старших курсов запрещается разыгрывать вновь поступивших. Запреты и ограничения, касающиеся первых дней студенческой жизни, издаются время от времени на протяжении всей истории университетов, — вот косвенное свидетельство наличия проблем и злоупотреблений.

Плата за обучение, за жилье, за книги, за посвящение в студенты... Студенческая жизнь, особенно в первые месяцы учебы, требовала немалых материальных затрат. Каждый выкручивался как мог: кого поддерживал приход или монастырь, клириком которого ему посчастливилось быть, а кому приходилось и просить подаяния (принадлежность клиру позволяла жить милостыней), многим помогали родители. Главной темой большинства сохранившихся студенческих писем XIII века были просьбы о родительском вспомоществовании. Вот что пишут домой два орлеанских студента:

«Нашим дорогим и почитаемым родителям с сыновним приветом и почтением. Извольте знать, что, благодаря Богу, мы пребываем в добром здравии в городе Орлеане и посвящаем себя полностью учебе, памятуя, что Катон сказал: „Весьма похвально кое-что знать“. Мы живем в добром и красивом доме, отделенном от школы и рынка одной стеной, так что можем ежедневно посещать занятия, не промочив ног. У нас также хорошие товарищи, уже преуспевшие в науках и весьма достойные во всех отношениях. Мы этому весьма рады, ибо псалмопевец говорит: *sit sancto sanctus eris* (Пс. 17:26). Но, дабы нехватка средств не поставила под угрозу результаты, на которые мы рассчитываем, мы полагаем, что должны воззвать к вашей отеческой нежности и просить вас прислать нам с подателем сего немного денег, чтобы купить пергамента, чернил, чернильницу и прочие нужные нам предметы. Вы не оставите нас в затруднительном положении и постараетесь, чтобы мы достойно завершили наше обучение, дабы иметь возможность с честью возвратиться в свой край. Податель сего может также забрать башмаки и штаны, которые вы собирались нам послать. А вы бы смогли сообщить нам таким путем свои новости».

Кто кого?

Как это часто бывает в истории великих свершений, созидатели и труженики первых университетов не осознавали важности момента и не думали об исторической перспективе. Студентов и пре-

подавателей больше волновали практические вопросы повседневности: величина квартирной платы (этой теме посвящались и специальные королевские указы, и папские буллы), правовая защищенность, защита от епископских интердиктов (щедрая раздача отлучений, часто по незначительным поводам — характерная черта средневекового католицизма).

Само слово «университет» (*universitas*) означало просто «объединение». *Universitas magistrorum et scholarium* (объединение учащихся и учащихся) — так называет кардинал Робер де Курсон Парижский университет в акте 1215 года, едва ли придавая этому слову значение специального термина. Лишь в суровой борьбе за независимость от городских властей, от местного епископа, от нищенствующих орденов, от римских первосвященников постепенно выковывалось университетское самосознание. Впрочем, корпоративная солидарность была одним из фундаментальных принципов и, пожалуй, единственным способом обороны новых научных центров. Наиболее радикальным средством были массовые исходы студентов и преподавателей из города; такие исходы случались не так уж редко и послужили причинами к основанию Кембриджского (профессора, ушедшие из Оксфорда) и Падуанского (болонские профессора) университетов. Но даже временное прекращение занятий было весьма серьезным оружием. Дело, приведшее к такому результату, выглядело почти оскорблением религии: значение университета как источника пополнения рядов духовенства было таково, что прекращение занятий было равноценно внезапной приостановке всей церковной жизни страны.

Насколько дорожили университетами и церковные, и светские власти, показывает следующая история, ознаменовавшая окончательную победу Оксфордского университета в борьбе с городом. 10 февраля 1355 года, в день святой Схоластики несколько студентов, найдя неудовлетворительным качество вина в местном погребе, начали швырять бутылками и стаканами в хозяина заведения. Друзья пострадавшего ударили в набатный колокол церкви святого Мартина. По всему городу начались беспорядки и стычки горожан со студентами, продолжавшиеся три дня. Многие здания колледжей и общежитий были разрушены. Большинство студентов покинуло город. В ответ на поданную жалобу король и духовные власти начали расследование. На Оксфорд был наложен годовой интердикт — на время работы следствия. В результате последовавших санкций большая часть экономики города попала под контроль университета, который получил также правовую автономию. Кроме единовременного штрафа город-

Признаком принадлежности к клиру была тонзура — выбритое место на макушке.

ские власти были обязаны ежегодно платить университету определенную сумму денег, что и делали исправно до 1825 (!) года.

Нищенствующие штрейкбрехеры

Возникнув в начале XIII века, нищенствующие ордена с удивительной быстротой (свидетельствующей о востребованности нового движения) распространились по всей Европе — уже в 20-х годах о них говорят и во Франции, и в Англии, и даже в Дании. Но прежде всего они появлялись именно в университетских городах, что, впрочем, вполне естественно: и францисканцы, и, в особенности, доминиканцы придавали образованию как орудию миссионера первостепенное значение. На первых порах монахов-проповедников принимали в больших школах очень охотно — они выгодно отличались от забитого, погрязшего в мирских заботах приходского духовенства феодальной эпохи, и были, казалось, идеально приспособлены для пастырства в мире науки. Отсутствие собственности и приходских забот, а также независимость от местных властей (церковных и светских) делало их мобильными и готовыми для любых заданий, а хорошее образование и живой интерес к науке позволяли находить общие интересы с ученым сообществом. Кроме того, и университеты, и нищенствующие ордена находились на тот момент

в непосредственном подчинении папе, были проводниками папского влияния.

К 1231 году среди профессоров богословия Парижского университета были и доминиканцы, и францисканцы. Но в это же время начинают проявляться и разногласия орденов со светскими профессорами. Во время большой забастовки 1229–1231 годов, когда, вопреки папским указам, профессора отказались вернуться в Париж до полного удовлетворения их требований, нищенствующие монахи отказались солидаризироваться с университетской корпорацией и продолжили преподавание. Впрочем, в активную фазу конфликт вступил только в 1253–1254 годах. К этому моменту из пятнадцати профессоров богословия членами орденов были девять. После того, как в очередной стычке студентов с полицией один из школяров был убит, корпорация приняла решение о прекращении занятий. Однако ордена снова остались в стороне и занятия продолжили — согласованной акции не получилось. Было очевидно, что университет теряет свое главное оружие, и если усиление позиций орденов продолжится, независимость корпорации станет иллюзорной.

Римоцентризм

Лидером партии светских профессоров стал ректор Вильгельм (Гийом) де Сент Амур. В памфлете «Tractatus de periculis novissimorum temporum» (Трактат об опасностях новейшего времени) он проводит принципиальную критику нищенствующих орденов, указывая на несоответствие орденской независимости от епископата канонической системе церковной власти. Отчасти это было и неявной критикой папства, поскольку ордена опирались именно на папский авторитет. Однако было уже поздно: римоцентричность Западной Церкви укоренилась уже настолько, что сил университета, пусть даже такого влиятельного и консолидированного, как Парижский, было явно недостаточно, чтобы переломить тенденцию. Тем более, что нищенствующие ордена переживали период расцвета — францисканские миссионеры уже добрались до Забайкалья, инквизиция уже состояла в ведении нищих монахов, в науке они были представлены такими

величинами как Альберт Великий и Фома Аквинский (доминиканцы), Александр Гальский и Бонавентура (францисканцы). Одним словом, расклад сил был не в пользу светских магистров и, потратив значительные усилия и суммы денег, профессора смирились.

Чтобы понять, насколько велика была роль орденов в дальнейшей жизни университетов, достаточно взглянуть на следующие цифры. Среди 192 магистров богословия, окончивших Парижский университет в период с 1373 по 1398 год (таким образом, в среднем в год защищалось около восьми человек) 102 принадлежали к нищенствующим орденам, 17 были бенедиктинцами и только 47 были из «белого» духовенства.

Эпилог

Первые университеты вырастали из совершенно особого сочетания исторических предпосылок: развитие городов и гильдий, централизация светской и духовной власти, влияние арабской и иудейской культур, рецепция европейцами античной мысли в арабском изводе, — изменение любого из этих факторов привело бы к значительной деформации высших школ. Однако принадлежность университетов Церкви была тем началом, тем эпиграфом и девизом, которому они обязаны своим символическим именем (*universitas*). Именно от Церкви получила школа возвышенный универсализм.

Впрочем, нельзя не видеть, что церковность университетов была существенно католической церковностью, и в этом смысле университеты были плодами папской централизации. Как исторические университеты, пробиваясь на свободу, во многом опирались на папскую власть и таким образом оказались спаяны с нищенствующими орденами, так и в истории мысли первоначально свободная и свежая схоластика (школьность) вскоре попала во все более неуютные рамки средневекового католицизма.

Николай Солодов,
4 курс МДС

